

БЕЗБОЖНИК

КОЛОНИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

Крест и газы,—
Два средства против большевистской заразы.

ЯНВАРЬ
1927

РЕДАКЦИЯ и ГЛАВНАЯ КОНТОРА
Москва, Неглинный проезд, дом 21.
Тел. 4-56-82.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА
На год — 3 р. 60 к., на 1/2 года — 1 р. 80 к.,
на 1/4 года — 90 к. Отдельный № 15 к.

№ 1

СОДЕРЖАНИЕ: Гр. Градов — рассказ „Коллективная сила“. Ал. Липецкий — стихотворение „Новое“, В. Малинко — очерк „Какова жизнь“, С. Коллегаев — очерк „Завод в деревне“, В. Я. Никитинский — очерк „На Чудском озере“, Андрей Горный — рассказ „В лесах“, Ем. Ярославский — „Письмо иерея“,
Обложка работы М. Черемных

Рассказ Гр. Градова

Рис. П. Абрамова

I.

Поезд выбросил на занесенную снегом платформу несколько человек, свистнул и тяжело запытал дальше.

В светлом кругу керосинового фонаря, у входа в станционное помещение, мелькнули овчинные полушубки и теплые шали. Поземная вьюга подхватила пронзительный бабий крик: „Сенька-а! Черт полуденный! Возьми мяшо-ок!“ И между двумя порывами ветра, откуда-то из-за стриженных тополей, донесся спокойный ответ низким неторопливым басом: „Сама неси!“ Скрипнула дверь на заржавленном блоке, тяжело хлопнула за согнувшейся под грузным мешком бабой и все стихло.

Только с заднего конца платформы хрустела по плотному снегу какая-то черная тень. Подобралась к двери и в свете фонаря превратилась в пожилого, бородатого мужчину, одетого по городскому, в пальто и в барашковой шапке. Приезжий потянул дверь и протиснулся в нее боком.

В станционном помещении толпился народ. У окошечка кассы вытянулась скучающая очередь к встречному поезду: латанные полушубки, теплые пиджаки, валенки. В углу, на скамеечке, хихикали неизвестно откуда взявшиеся на глухом полустанке барышни, в модных башмаках и фильдеперсовых чулочках. Густо пахло распаренной овчиной и махоркой.

За приезжим стукнула дверь. Десятка три любопытных глаз тотчас же внимательно рассмотрели барашковую шапку, городскую, черного сукна, шубу и новые блестящие галоши. На барышень особенное впечатление произвела, очевидно, борода незнакомца. Одна из них, нагнувшись к соседке, смешливо прошептала: „Вот так помело!“ И вся компания так звонко и раскатисто засмеялась, что из-за двери с надписью „вход воспрещен“ сейчас-же появилась заспанная физиономия телеграфиста. Физиономия поправила

на носу модные роговые очки, погубившие уже немало доверчивых и невинных сердец, победоносно сверкнула ими на слегка растерявшихся барышень и снова скрылась за грязно-желтой дверью, из-за которой слышался неугомонный треск аппарата.

Приезжий, между тем, обратился к первому попавшемуся мужику:

— А что, товарищ, где-бы мне здесь лошадей нанять до Арханова?

Мужик растерянно развел руками:

— Лошадей? Да где-ж нанять? Негде нанять, товарищ дорогой, это я тебе прямо доложу.

— Разве возчиков на станции нет?

— Какие-ж ноне возчики к шутовой матери... По такой-то метели!

Приезжий сдвинул шапку на лоб и недоуменно почесал в затылке:

— Вот, черт, история!.. Значит, тем же ходом вертай назад?

От группы рядом стоявших мужиков, отделился один, одетый в нарядный суконный тулуп поверх новенькой поддевки, с седой бородкой на благообразном лице. Подошел к приезжему, поклонился и задолдонил владимирской скороговоркой:

— В Арханово, к батюшке, отцу Алексею? Пожалуйте, доведу, в лучшем виде,—лошадка первый сорт. Батюшка уж и то мне говорит: „Ты, Фрол Тимофеевич, повезешь дочку на станцию, так поглядывай, потому ко мне зять из губернии должен прибыть, так уж ты ему посопутствуй!“ Почему, говорю, не посопутствовать хорошему человеку, ежели он нашему батюшке, отцу духовному, зятем приходится. Мы завсегда со всем уважением. Гляжу—городской человек и самый вид подходящий,—при бороде и в калошах, значит, сразу смекнул—как и что, и к чему. Вещей при вас не находится? Так пожалте на двор, сей минут лошадку взнуздаю,—кобыленка молодая, пужливая, а уж шагиста, будьте покойны!

И Фрол Тимофеевич, подняв воротник тулупа

и на ходу натягивая варежки, рысцой засеменил к выходу. Приезжий, пораздумав минуту, надвинул на уши шапку, застегнул шубу и вышел за ним на крыльцо.

II.

Обледенелые каменные ступеньки тонули в мутной мгле разъярившейся вьюги. Где-то рядом, невидные в темноте, чавкали в овсяных торбах лошади. Прямо, против крыльца, в ярко освещенных заиндевших окнах трактира, мелькали тени людей. В открывшуюся на секунду дверь, ворвавшись в вой деревенской метели эхом каменных, залитых электричеством городов, рывкнул громкоговоритель:

— Алло! Начинается кон!..

Дверь закрылась и конец слова пропал, смялся в столах вьюжной ночи.

От трактира зацокали подковы. Раздался строгий окрик: „Балуи, ведьма!“ И вынырнув из снежного смерча, у крыльца затемнел силуэт лошади.

Голос Фрола Тимофеевича, с приятной, обходительной вежливостью, пригласил из темноты:

— Пожалте, сюда-с!

С левого бочку-с!

Приезжий неловко ввалился в сани, на умятое, крытое ковром сено. Лошадь с места взяла крупной рысью. Из трактира снова в морозную даль бросило чужие, странные слова: „Сижу за решеткой в темнице сы...“ А потом белая муть, холод и острый снег в лицо и в глаза.

Приезжий первый нарушил молчание с тем, чтобы потом всю дорогу почти уже не открывать рта:

— И у вас радио завели?

Фрол Тимофеевич, путив лошадь бежать без вожжей, опять посыпал окающим говорком, словно горохом о бочку.

— Радия-с? Это в чайной-то, в кооперативной? Завели. У нас нонче чего не завели. Окромя бога, ко всему прочему народ так и тянется. А уж насчет церкви, так не взыщите: в храме, скажем, у отца Алексея, все в настоящем лице и безо всякого обману. Тут тебе батюшка, тут тебе отец дьякон, тут тебе и псаломщик. Живые люди по алтарю ходят, можно сказать, наставники и настоящим голосом молитвы вычитывают. Им бы, кажется, и доверие. Оно, как будто точно, так, а на поверку никак-нет получается. Нонешний народ, вместо настоящего голоса, к неизвестной трубе уважение имеет, к радиэ этой самой. А ежели ра-

зобраться, что в ней, в этой самой трубе? Кто говорит? Почему говорит? И каким путем этот самый разговор из Москвы, к нам на станцию доставляется? Народ серый, не понимает, а каждому слушать лестно.

— И до чего я об отце Алексее скорблю, до чего я о нем душой убиваюсь, прямо даже сказать невозможно. Сами судите: батюшка, с позволенья сказать, пастырь, и вдруг в церкви сам-десять. Ей-богу, пра, сам-десять, да и то больше женского пола. А почему? Нешто мы не православный народ? Или Христа позабыли? Или надобности в нем нет? Оно, как будто бы, никак нет, а выходит так точно. А все коллективы проклятые, чтоб им на том и на этом свете!.. И откуда оно повелось такое?—понять невозможно.

Вопросительно придвинул лицо к бороде приезжего, но тот еще глубже спрятался в барашковом воротнике и пробормотал невнятно:

— Угу!

Фрол Тимофеевич хлестнул кобыленку:

— Раньше люди как жили? Попросту жили! Каждому бывало своя судьба дадена: Вот тебе мир, а вот тебе—ты, и живи, как хошь. И уж если ты, в чем нибудь, мир надеешься перепрыгнуть, так не погневайся, ноги те обломают. Ну, конечно, который мужик с пониманием, тому мир не указ: народ простой к коммерции касательства не имеет, а мы, к примеру сказать, скотом занимаемся и лавку свою содержим колониальную, так нам общество не с руки. А попроще мужик должен место свое помнить. Твое дело какое? Дом, полоска да храм божий, а дальше своего носа не суйся. Стряслось у тебя что—иди к бога-тому, поклонись чеством, по-хорошему. Ужли-ж мы не выручим?

Да, завсегда, с полным нашим удовольствием! Сколько я ихнего брата, можно сказать, от голодной смерти спас: кому трешницу, кому семени пуд. А не поможет богатый, к богу иди, ему кланяйся. Он, господь милосердный, призрит нищету твою. Ну-с, а нынче? Нынче, гражданин дорогой, перепуталось все. Прямо не разбери, что творится. А все коллективы! Ну, что в ем? Вались бедняк к бедняку, а мы его гольем подопрем. Вот и вся его сила. Эх! Оно, как будто точно так, а на поверку никак нет получается...

Бородатое лицо медленно повернулось к Фролу Тимофеевичу. Глухо, прячась в барашковом воротнике, прозвучал короткий вопрос:

Из трактира снова в морозную даль бросило чужие странные слова.

Девять дворов маслобойку коллективом выписали.

— А почему?

Интерес, впервые проявленный спутником, словно кнутом, подстегнул Фрола Тимофеевича.

— Почему? — переспросил он. — А потому что козь один, так иди до бога, а козь нас много, так хорошо и без бога. Вот почему! Это дело тонкое, его понимать надо. А началось с таких пустяков, что и говорить не стоит.

В 23 году, совхоз у нас по соседству сгорел... Так, то-есть, в чистую; была усадьба, а стало погорелое место. Ну-с, значит, машинный сарай, а в нем машины; которые балками придавило, — перекопало вдребезги, а которые будут и целы, только дерево на них обгорело... Ну, по нашему, как? Пожар — божье наказание, и конечно дело. А у них, у советчиков-то, наоборот. Вдруг, пожалуйста, из уезда комиссия. И вдруг, пожалуйста, машинные части из-под пожарища вынуть, продать крестьянам по сходной цене и тому подобное. Кому-ж это, думаем, обгорелая машина нужна? Смех один!.. Оно, как будто, и точно так, а посмотреть — никак нет получается. Нашлись такие дураки. Одному не в подъем, так четыре двора вместе сбились: Королькова Матвея, Зинькина, Чубарова и Андрюшки Горбатого. — Покупаем, — говорят — коллективно.

То-есть, как же это так — коллективно? К примеру, молотилка или сакковский плуг, — разница. Кому-ж молотилкой владеть? Кому сакком? —

А никому, говорят, — сообща, — сказано — коллективно!

Ах, што-б те глаза повылезли! Да, как же это, цельной механикой сообща владеть, коли мы и покос-то делим, — так скулы трещат?

— Ничего, — говорят, — совладаем!

Мне-бы, в те поры, наддать-бы десяточку лишнюю, скупить весь этот лом машинный да и в сарай. А мне ни к чему. Куды-ж, думаю, справиться им с эдакой техникой.. Народ оголтелый, в лычки обутий, соломоу крытый.

Ну-с, купили они это самое хламье обгорелое и всю зиму над ним провозились. Глядь, к весне, молотилка, веялка, две сортировки, два двухлемешных плуга... Отделали в лучшем виде и голубой краской даже покрыли, с красными разводами.

Ну, думаю, стой, теперь-то уж у них пойдет! Встретил я Чубарова Василия: — Ну, говорю, фабрикант-заводчик, плуг двухлемешный, а лошадь дана? Аль, корову впряжешь?

Улыбается азиат: Зачем корову, у Зинькина мерин есть. Мы коллективно.

Ишь что удумали: машиной владеть коллективно, пахать коллективно, молотить коллективно. Да, эдак с бабами на печке спать коллективно начнут! Однако, жду: — беспрерывно передрались должны. Весну ждал, лето ждал, осень ждал, — не дерутся сукины дети... И вдруг, пожалуйста, мода пошла: присмотрелись мужики и начали эти самые коллективы накручивать. Девять дворов, по левому проулку, маслобойку коллективно выписали. Шесть дворов, на высоком конце, баню коллективную строят. Потом десять дворов еще молотилку купили. Колодцы коллективные, газеты коллективные... Да что-ж это такое?!

Не стерпел я, к батюшке пошел, к отцу Алексею: — Что-ж это, говорю, батюшка, доколи нас коллективная сила смущать будет?

Батюшка только руками развел: „Заумничал народ, Фрол Тимофеевич, никакого слада с ним нет! Бывало, полтинничек-то на храм божий, а теперь он полтинничек-то в этот самый коллектив уплывает.“

Батюшке убыток, а мне каково? Прежде на селе одна моя молотилка работала, а теперь три. Кооперацию наладили. Опять-же честному человеку, мне то-есть, разор.

А тут еще новая беда. Земля у нас, известно, какая, — по сосновому бору, песочек. Ковырнешь ее плугом, хлебушко бросишь, как припечет его, сердешного, солнцем с весны, — хорошо, ежели посев соберешь. Однако, жили, корку жевали. На них, на песках-то, может, тысячу лет деды наши и прадеды рожь-матушку сеяли. И нам бы сеять, и детям нашим, и внукам... Да, вишь ты, оно, как будто, точно так, а на поверку, никак нет получается. Ездили мужики по этим самым коллективным делам, в уезд и губернию, да и наездили. Завелся у них, в губернском, в Земотделе, дружок, агроном какой-то, Кондратьев, чтоб ему это самое боком вышло! Коль на тебе агрономное звание и сидишь ты в губернии на своем казенном месте, так и сиди, пиши плакаты, как тебе по штату установлено: „без доклада не входить“ и прочее. А этот шальной леший мужиков вовсе с пути пошибал: „Вы, говорит, на песках голодаете. Вашей рожью с урожая, не то что амбара, а жилетного кармана и то не набьешь. А нужно, говорит, вам по песку картошку садить!“

Мужики ему: „А куда ее денешь, картошку? На базар возить—30 верст“.

— Очень даже просто. Организуйте, говорит, коллективно, терочный завод...

А мужики, как услышали знакомое слово — „коллективно“, — так словно перебесились: переходить на новое хозяйство всем селом и никаких! Я им слово, батюшка слово — куда там! Наладили к этому Кондратьеву, словно к куме разговляться, то один, то другой за советом.

Что-же это будет? Да ежели простой мужиком, серяк, торговать начнет, нам-то что-ж делать? А если у него от этого самого коллектива, на столе убоина, на стенке радия, так зачем-же ему храм божий? И все-то от первой коллективной затеи четыре года прошло, а чего накрутили! Чего накрутили!

В белых холстинах снежных сугробов справа и слева замелькали огни.

— Ну, вот и доехали. Но, милая! Кобыла угонистая, что говорить. Шесть верст промахнули и не заметили. А отцу Алексею, небось, и невдомек про гостя дорогого.

Из большой, шестиоконной избы ложился на снег яркий свет лампы „молнии“. Фрол Тимофеевич сердито ткнул кнутом на избу:

— Вот он, совет-то! Ночь на дворе, а они заседают, антихристы коллективные!...

Приезжий стряхнул с груди снег и высунул из-под воротника взлохматившуюся бороду.

— Придержите маленько лошадку.

Фрол Тимофеевич тпрукнул и седок, не спеша, вылез из саней:

— Ну, спасибо, товарищ, что довезли!

— Да, пожалуйста, до самого батюшки вас доставлю. Хошь мне и не по пути, да для отца Алексея-то!.. Господи!..

Приезжий засмеялся:

— А зачем-же мне к отцу Алексею? Я сюда! — И он показал рукой на совет.

— Да вы нешто не батюшкин зять? — испуганно вскинулся Фрол Тимофеевич.

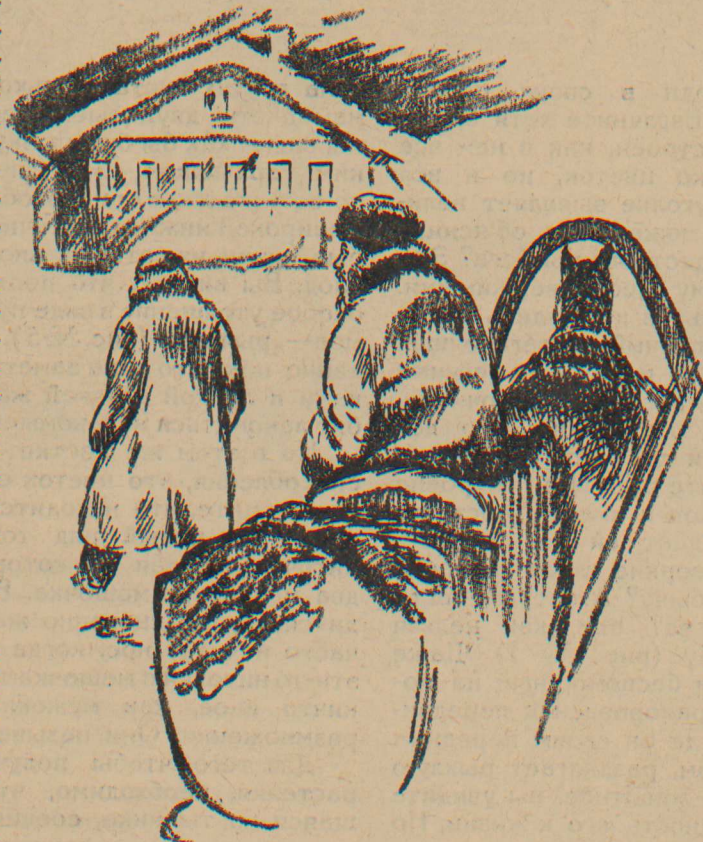
— Зять-то зять, да не батюшкин! Из губернского, агроном Кондратьев. Спасибо, за услугу, прощайте!

И утопая в снегу по колена, решительно зашагал к освещенной избе.

Фрол Тимофеевич с минуту смотрел ему вслед машинально обсасывая ледышки с левого уса.

— Вот уж, действительно! Оно, как будто, точно так, а на поверку никак нет вышло! Но, подлая! — вытянул он кнутом ни в чем неповинную кобыленку.

Гр. Градов.

Утопая в снегу по колена, решительно зашагал к освещенной избе.

Н О В О Е.

С новым годом поздравить не ново:
Это было старо еще встарь:
На листке с единицей пунцовой
Начинающий год календарь.

Но по новому в очередь годы
Ставим мы у Октябрьских ворот,
Где столпились, как войско, заводы,
И где трактор в атаку идет.

И не надо нам убранных елок,
Чтобы фольгою тешить ребят,
Ярче елок глаза комсомолок
В новогоднюю полночь горят.

Календарь наш порядка иного.
Нам затем только нужен январь,
Чтоб Октябрьскою датой суровой
Отмечать отмененную старь.

И в заре молодых новогодий,
День за днем отрывая листки,
На мужицких полях, на заводе
Видеть нового века ростки.

И ясна и проста, словно озимь,
Эта новь мирового зерна:
Дни — лишь только железные гвозди,
А постройка — Советов страна.

Алексей Липецкий.

КАКОВА ЖИЗНЬ?

Очерк В. МАЛИНКО.

Обычно верующие люди в своих спорах с безбожниками говорят: „Взгляните хотя бы на цветок, как он премудро устроен, как в нем все целесообразно. И не только цветок, но и вся природа в каждом своем уголке выявляет великий разум творца. Разве можем мы объяснить этот мир, не допустив существования бога? Эти доводы кажутся верующему неопровержимыми. Постараемся же разобраться, в чем здесь дело, попробуем заглянуть в сложный и загадочный лик природы. Посмотрите на птицу с ее легкими перьями и тонкими, внутри пустыми, косточками. Почему она так устроена? Да, потому, что все это облегчает ей летание и дает другие преимущества в ее жизни. Возьмите рыбу. Как устроено ее тело? Оно сжато с боков и имеет заостренную голову впереди, что дает ей возможность легко разрезать воду. А зоркие глаза хищника, подстерегающего свою добычу? А острые когти для того, чтобы терзать ее? Все, как нельзя лучше, несет свою службу (рис. № 1). Даже некрасивый червяк, совсем беспомощный на поверхности земли, хорошо приурочен к передвижению в самой земле, где он своим передним концом тела, словно клином, раздвигает рыхлую почву. Взгляните на любое животное, вы увидите удивительную приуроченность его к жизни. Но ничуть не меньше удивляет нас приуроченность к жизни и в мире растений. Зачем весной и летом наши поля и луга усыпаны бесчисленными цветами? Зачем эти цветы издают приятный запах? Зачем они раскрывают свои разноцветные лепестки? Ученые уже давно нашли ответы на все эти вопросы.

Цветы есть ничто иное, как приспособления для размножения растений. Правда, среди наших растений есть еще и такие, которые не имеют цветов, но они зато имеют другие приспособления для продолжения потомства. Однако, таких растений очень мало: папоротники, хвощи, плауны и кое-какие другие, (рисунки № 2, 3 и 4).

Большинство же наших растений: — деревья, кустарники и травы имеют цветы и только при их помощи они размножаются.

Цветы бывают мужские, женские и двуполые. Имеются такие породы, у которых мужские и женские цветы находятся на одном и том же растении тогда как у других пород растений на одних кустах или деревьях размещаются цветы только мужские,

а на других кустах только одни женские. Возьмем цветы двуполые. Здесь по середине цветка мы видим как бы бутылочку с очень высоким и тонким горлышком, — это „пестик“ или „плодник“, то-есть женское приспособление для размножения. В широкой нижней части пестика помещаются особые яички, из которых впоследствии и получается плод. Вы видите, что пестик имеет на верхушке особое утолщение в виде пуговки, это так называемое — „рыльце“ (рис. № 5). Такое рыльце обыкновенно покрыто едва заметными, короткими волосками и липкой сладкой жидкостью, которой любят лакомиться насекомые: — бабочки, шмели и др.

Но в этом же цветке есть и мужские приспособления, это цветок обоеполюй. Где же они? Посмотрите, что находится вокруг пестика. Здесь видим мы целый ряд тоненьких прутиков или ниточек, каждая из которых имеет наверху по два маленьких мешочка. В этих мешочках находится та, обыкновенно желтая, пыльца, которая часто пачкает нос, когда вы нюхаете цветы. Вот эти-то ниточки с мешочками — пыльниками — и есть ничто иное, как мужские приспособления для размножения. Они называются „тычинками“.

Для того чтобы получился зародыш нового растения, необходимо, чтобы пылинка, находящаяся на тычинке, соединилась с яичком, которое помещается в нижней части пестика. Это может произойти только в том случае, если крупинка пыльцы попадет на рыльце пестика. Попав на рыльце, крупинка пыльцы начинает прорасти через столбик (горлышко) пестика и, дойдя до яичка, соединяется с ним, то-есть получается, так называемое „оплодотворение“. Вещество пыльцы слилось с веществом яичка.

Когда растение отцветает, завянут лепестки его цветов и тычинки отомрут, тогда плодник (пестик) из завязи начнет обращаться в плод. Плод даст семена, а семена — новые растения. Но как же происходит опыление или, иначе говоря,

каким образом пыльца с тычинки попадает на пестик?

Если тычинка и пестик помещаются в одном цветке, удобно расположенном и созревают в одно время, то опыление происходит просто. Созревшие пылинки свободно попадают на рыльце пестика и производят оплодотворение.

Некоторые растения для опыления нуждаются в ветре, чтобы перенести пыльцу с одного цветка на другой. У них образуется огромное коли-

Рис. 1. Клюв и коготь хищной птицы.

Рис. 2. Хвощ.

Рис. 3. Папоротник.

Рис. 4. Плаун.

чество пыльцы, которая тучами носится в воздухе и большинство пылинки погибает зря, падая на землю. Только ничтожная часть попадает из мужских цветков на женские и производит оплодотворение! Самый распространенный способ опыления,—это опыление при помощи животных, главным образом,—насекомых. Этот способ является и наиболее экономным.

Есть растения, которые сами опыляться не могут, точно также не может помочь им и ветер. Либо тычинки и пестики у них созревают в разное время, либо они так устроены, что пыльца никак не может попасть на рыльце пестика, либо пестики и тычинки помещены на разных растениях, иногда далеко находящихся друг от друга.

Оказывается, что у таких растений мы и находим удивительно хитро устроенные приспособления для оплодотворения. Большинство таких растений на помощь приходят насекомые. Они получают от цветов сладкий, сахарный сок, собирая который, насекомые и являются разносчиками пыльцы.

Дело в том, что когда шмель (или другое насекомое) в поисках сладкого сока или меда, который содержится на доннышке цветков, садится на цветок, например, глухой крапивы (рис. 6), то он невольно толкает его тычинки. Эти тычинки осыпают пыльцой мохнатую спинку шмеля, который, вылезая обратно из цветка, захватывает еще большее количество пыльцы. Цветы такого устройства очень удобны для насекомых. Нижняя губа служит им как бы балкончиком, усаживаясь на который они легко производят свою работу по сбору сладкого сока. Когда же насекомое попадает в другой цветок, то оно касается своей спинкой пестика: тогда пыльца прилипает к нему и, таким образом, цветок оплодотворен. Обычно те растения, которые опыляются насекомыми, окрашены очень ярко и издают приятный, сладкий аромат. Это необходимо для того, чтобы насекомые легко находили цветы. Ученым удалось узнать, что насекомые очень чутки к запаху и хорошо запоминают растения по яркой

окраске их цветков, что облегчает им труд по розыску этих растений. Насекомые не остаются в долгу у своих благодетелей и переносят пыльцу с одного цветка на другой.

Другие цветы не нуждаются в услуге насекомых, таковы: цветы ржи, березы и т. п. Они опыляются ветром, который не ищет ни красоты ярких красок, ни запахов. У всех этих растений цветы скромные, неприглядные, мало заметные. (Рис. № 7). Нередко они такие же зеленые или желтоватые, как листья. Но не только лепестки цветов являются заманивающими приспособлениями, способствующими продолжению потомства, эту роль играет также и окраска у многих плодов растений. Как яркий пример: малина, вишня, земляника, смородина. Мало того, сами ягоды очень вкусны и их охотно поедают птицы. В чем дело? Дело в том, что растениям недостаточно одного опыления, надо, чтобы семена их попали в разные места, а не сгруппировались в од-

Рис. 5. Цветок в разрезе.

ном месте, иначе они будут мешать друг другу во время роста. Вот здесь некоторым растениям и приходят на помощь птицы. По яркой окраске они легко находят лакомую пищу, поедают ягоды, а это только и нужно для них. Зернышки не перевариваются в желудке птиц, они извергаются на землю с пометом и, таким образом, летающие повсюду крылатые помощники растений разносят их семена. Бывают и другие приспособления (рис. № 8). Одни из семян имеют особые прицепки (репейник) и переносятся животными, к шерсти которых они „прилипают“, другие снабжены „крылышками“ (клен, ясень) и, крутясь, даже летят по ветру, третьи снабжены легкими „зонтиками“ (одуванчик) и ветром заносятся на огромные расстояния.

Некоторые растения имеют семена, заключенные в особые „коробочки“, или жев стручки, как например, мак или акация и горох. Когда семена созрели, стручки высыхают и от этого скручиваются. Скручиваясь, стручки лопаются и в разные стороны разбрасывают созревшие в них семена. У нас, на Кавказе, встречается очень любопытное растение, которое называют бешеным огурцом. Когда плод его созреет, то при малейшем толчке все содержимое огурца вместе с семенами выпрыскивается из образующегося отверстия на значительное расстояние. Так обстоит дело на суше, а под водой также живут растения, каким же образом там происходит оплодотворение?

Ведь всякий хороший садовник знает, что дождь мешает оплодотворению, так что частые дожди во время цветения иногда являются причиной пустоцвета. Как же быть тем растениям, которые всегда находятся в воде? И здесь не мало различных приспособлений. Так, у водяного растения „валлиснерии“ женские цветы сидят почти на дне на очень длинных закрученных ножках имеются паразитические приспособления.

Ко времени цветения эти ножки начинают раскручиваться и расти и, таким образом, выносят женские цветы на поверхность воды. К этому же времени мужские цветы отрываются от своих стебельков и всплывают также на водяную поверхность. (Рис. 9.) Плавающая между женскими цветами,

как лодочки, они рассыпают по ветру свою пыль, часть которой, конечно, попадает на пестики женских цветов. Когда цветение окончится, стебельки женских цветов снова закручиваются, унося с собою на дно уже опыленные цветы. Плоды этих растений продолжают затем развиваться на дне и дают там новые растения. С самых древних времен человек с глубоким удивлением смотрел на весь мир и особенно на то, что делается в царстве животных и растений. Не зная наук,

он не мог разгадать эти природные тайны, и все хитро устроенное укрепляло в нем веру во всемогущего творца.

Но древние люди не занимались изучением природы так, как изучаем теперь ее мы. Они только наблюдали жизнь, только с удивлением смотрели на нее и рассуждали о величии „всемогущего“.

Это и понятно. Ведь они не знали, например, почему растения имеют яркие лепестки у цветов, для чего они испускают сладкий аромат и пр. Им казалось, что все это, как и все остальное, устроено богом только на удовольствие человека и только на его потребу.

Они рассуждали так: самое главное, что есть в мире — это человек. Земной шар существует только для того, чтобы было где человеку жить. Что же касается растений и животных, то они существуют только для того, чтобы человек питался ими, любовался их красотой, наслаждался запахом цветов.

Однако, только при первом взгляде может показаться, что в при-

роде все обстоит благополучно. При более внимательном исследовании мы находим в природе довольно много не только бесполезного и ненужного, но и вредного.

Вспомним, например, те растения, которые опыляются при помощи ветра.

Какое чудовищное количество пыльцы разбрасывают они только для того, чтобы крошечная частица ее попала на пестики женских цветов и сделала бы свое дело.

Если бы действительно в природе все было устроено „премудро“, разве существовал бы в ней такой неэкономный расход материала, на выработку которого растение тратит так много силы. Этак расходовать ценный материал — пыль-

Рис. 6. Белая глухая крапива: а — общий вид растения, б — вид цветка спереди, в — разрезанный цветок сбоку, г — шмель на цветке, д — части семян в открытой чашечке, е — семена.

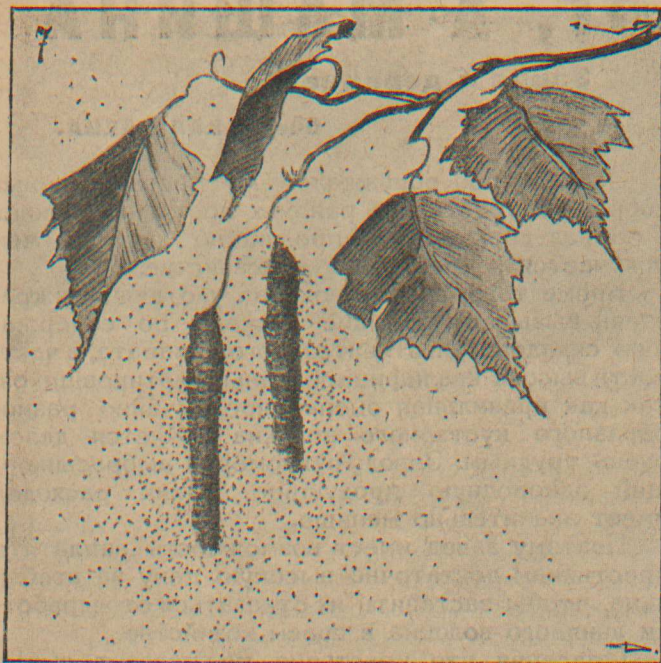

Рис. 7. Береза.

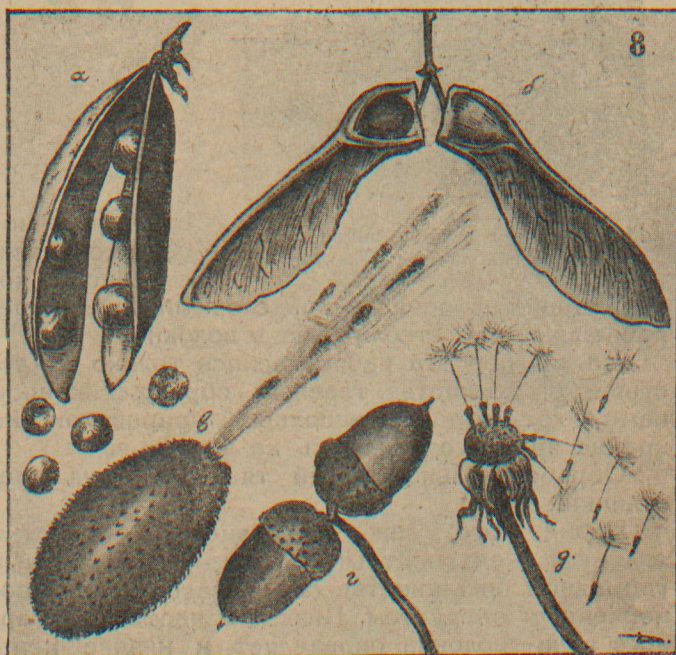

Рис. 8. Плоды: а — гороха, б — клена, в — „стреляющего огурца“ (der Spritzgurke), г — дуба, д — одуванчика.

цу также нелепо, как если бы мы стали из сотни пушек стрелять по одному воробью.

Но это лишь один пример, а их можно привести порядочное количество.

А в мире животных? Вспомним, например, сколько у животных есть таких частей тела, которые им не только не нужны, но и вредны. Обратимся хотя бы к нашему собственному телу. В нем ученые нашли более ста ненужных частей. Одна из них, которая называется „слепой кишкой“, не только является лишней для нас, но она очень часто причиняет нам тяжкие страдания. Она легко заболевает, воспаляется от попадающих в нее из других кишок мельчайших, невидимых живых существ — бактерий.

Бактерии эти производят в слепой кишке такое заболевание, которое нередко оканчивается смертью.

А каковы сами по себе всевозможные бактерии? Ведь никто другой, как они, причиняют все заразные болезни: чахотку, сифилис, чуму, холеру, тиф, проказу, язву и проч.

А вечная борьба, которая идет во всем мире,

среди всех живых существ? Нет уголка на земле, где бы все не переплелось в смертельной схватке. Что же это, неужели также „премудрое“ устройство „всеблагое“ божества.

Невольно припоминается один рассказ из детской книжки. В нем говорится, что бог создал веселую птицу, которая порхает с ветки на ветку и благодарит бога за то, что он посылает ей много корма: бабочек, жучков и червячков. Но ребенок, прочитавший этот рассказ, спрашивает мамашу: „Ну, а как же, мама, червячки и букашки тоже за это благодарят бога“?

Но религиозные люди должны ответить, что всякое дыхание хвалит господу. Их Библейский бог, создав растительный и животный мир, увидал, что „все, что он создал, и вот, хорошо весьма.“ (1 кн. Бытия, гл. 1—31).

Но мы то видим, что в природе, наряду с удивительной целесообразностью, существует неэкономность, нерасчетливость, нелепость, ненужность и жестокость.

Такова вся жизнь.

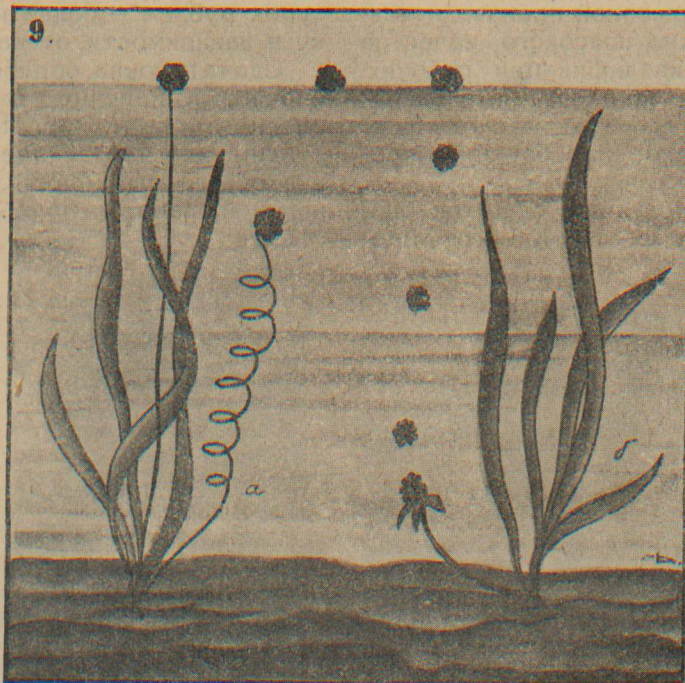

Рис. 9. Водоросли.

Механический корпус льнообделочного завода т-ва "Трактор".

НЕ БОГ, А МАШИНА

Завод в деревне

Очерк КАЛЕГАЕВА.

В Калужской губ., у ст. "Темкино" сельско-хозяйственной ко-

Этот вопрос обсуждался на многочисленных собраниях крестьян в районах постройки завода. Завод должен дать продукцию лучшую, чем получается в крестьянском хозяйстве.

Кроме того, скупка волокна у отдельных крестьян вызывает большие расходы по содержанию складов и заготовительного аппарата, в частности высоко-квалифицированных сортировщиков, так как правильная оценка чрезвычайно разнообразного кустарного волокна является делом очень трудным. Завод, равномерно выбрасывающий однородную продукцию, таких расходов имеет значительно меньше.

Поэтому завод имеет возможность заплатить крестьянам достаточно высокую цену за стебли льна, чтобы заставить их отказаться от выработки льняного волокна в своем хозяйстве.

Опасения, что крестьяне не повезут сырья на завод, вследствие новизны дела, опровергнуты заготовкой этого года.

Усиленный подвоз сырья к заводу в этом году показал, что крестьяне быстро сознали свои интересы и решительно пошли навстречу индустриализации этой важнейшей отрасли своего хозяйства. Интересно наблюдать, как отражается на сознании крестьян приемка льна на заводе.

Заводские приемщики, принимая стебли льна, всегда указывают на недостатки его, указывают и способы борьбы с ними. Таким образом, сдающие лен крестьяне получают указания о правильной постановке его культуры и соответствующий "урок рублем"—более или менее высокую оценку в зависимости от качества.

Сдача волокна, обработанного "прадедовскими" способами, конечно, такого культурного значения иметь не может. При продаже волокна крестьянин обычно не представляет себе причины низкой его стоимости, так как не задумывается над ней, работая по традиции.

операцией построен льнообделочный завод, перерабатывающий стебли льна в волокно.

До сих пор эта работа велась только в крестьянском хозяйстве, главным образом, женщинами и хоть и давала небольшой приработок, но крайне вредно отражалась на здоровье.

Обработка льна—самый тяжелый труд крестьянки.

Кроме того, лен крестьянской обработки является очень пестрым по своему качеству и, в громадном большинстве, сильно засоренным и порченным продуктом. Низкое качество кустарного льна—волокна определяет и низкие цены на лен.

Вот причины, которые заставили советскую власть искать более совершенных способов обработки льна.

Первые заводы в СССР, построенные в 1923 году, были оборудованы "бельгийскими колесами", применяемыми в западной Европе. Но и там эти машины, требующие большого искусства рабочего и дающие малую производительность, уже не удовлетворяют требованиям более или менее крупного производства.

В Германии, которая за время войны и блокады расширила свои посевы льна, созданы за последние годы машины высокой производительности, дающие льноволокно высокого качества и не требующие особой квалификации рабочих.

Эти немецкие машины, установленные на новых наших заводах, должны дать нам однородное, чистое, приспособленное к требованиям промышленности волокно.

Но не потеряет ли крестьянин, сдающий лен стеблями, оттого, что у него отнимут его обработку?

Крнтора завода и сыроварня. Бывший дом князей Засецких.

Собрание крестьян в деревне Селенки. Обсуждение вопроса о заводе.

Собрание в деревне Федосеево.

Раскладка льняных стеблей на вагонетку для просушки в сушилке.

Собрание в деревне Шубкино.

При сдаче стеблей крестьянин непосредственно и легче приобретает интерес к улучшению обработки своего льна.

Так происходит увязка крестьянского поля с заводом.

Необходимо использовать это влияние завода для углубления агрономической работы в районе.

Распространение улучшенных семян и удобрений в качестве задатка под урожай или ссуды — ближайшие мероприятия в этой области.

Крестьянки, принимавшие участие в обсуждении вопроса о заводе, являются теперь самыми горячими сторонницами сдачи льна на предприятие.

Часто сдатчик объясняет, что „бабы“ у него забастовали и не хотят трепать льна.

— Вези на завод!

По деревням идут разговоры о том, как занять освободившиеся в крестьянском хозяйстве руки. При чем говорят всегда об определенных мерах, рассчитывая и перебирая все детали.

Если заводить скот — то какой лучше. Где дешевле получить подходящего бычка для улучшения породы и как его удобнее содержать.

То же товарищество „Трактор“ открыло при заводе сливной молочный пункт и сыроварню. Оценка молока по содержанию жиров заставила хозяек правильно ставить кормление коров. Прибавка корнеплодов в корм немедленно отзывается повышением количества молока.

Приходится сеять корнеплоды или мириться с тем, что „баба весь огород к корове перетаскала“. Заботы о корове, огороде и посевах корнеплодов могут занять освободившееся от обработки

льна время с большей пользой для хозяйства. При переработке льна волокно отделяется от луба, при чем последний, так называемая костра, в количестве 70% от веса стеблей представляет собой прекрасное топливо. Льнообделочный завод не только обеспечивает себя этим топливом, но имеет также значительный его излишек. На Темкинском заводе локомобиль рассчитан на приведение в действие мельницы, маслобойного завода и ремонтной мастерской на одной костре, безо всякого добавочного топлива.

В настоящее время при пробном пуске завода выяснилось, что локомобиль, предназначенный для обслуживания всех этих предприятий, всей костры, поступающей с производства, не потребляет, и, таким образом, открывается перспектива дальнейшего использования этого дарового топлива.

На снимках завода можно видеть все стадии производства, от сушки льна до его прессовки. На новый завод являются, несмотря на сильнейшую распутицу, в большом числе крестьяне для ознакомления с производством.

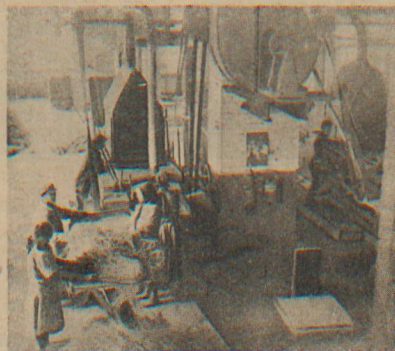
Отсутствие пыли, быстрота и строгая последовательность всех стадий обработки, сосредоточенных на небольшом пространстве, неотразимо действуют на самых предубежденных.

С особым вниманием крестьяне осматривают машины, взявшие у них столь знакомый и тяжелый труд и выполняющие его так легко и чисто.

Вот приехала из соседнего Гжатского уезда делегатка. Послали ее односельчане: „Ты женщина любопытная. Поезжай, осмотри все и цены узнай“. Можно с уверенностью сказать, что вслед за

Сушилка.

Куделеприготовительные машины, вырабатывающие волокно для технических тканей.

Запрессовка готовой продукции.

этой делегаткой потянулись из ее деревни воза с сырьем.

Успех завода у крестьян—несомненный.

Конечно, впереди еще много трудностей. Не легко наладить правильную работу новых машин, к тому же и правильную оценку заводской продукции промышленность даст, вероятно, не сразу.

Ясно одно. Крестьяне приняли завод, он быстро срастается с сельским хозяйством и явится одним из пунктов его индустриализации.

Машина в деревне это орудие революции, она очищает голову крестьянину от религиозного дурмана, она производит переворот в его мозгах. Она показывает на практике, что тысячи лет непрерывной молитвы о „хлебе насущном“ ни на один золотник не увеличили порции крестьянина. Но достаточно было Советской власти получить всего на 5 лет передышку от всяких войн и нападений, из-за угла, со стороны культурных и богобоязненных бандитов западноевропейского капитала, чтобы вопрос об улучшении материального положения крестьянина стал практической задачей сегодняшнего дня.

Пусть же подумают крестьяне, что выгоднее: веровать и сидеть без хлеба или не тратить

время на молитвы и одолевать нужду при помощи машины и при поддержке со стороны государства, управляемого и руководимого рабочим классом.

Сортировка волокна.

ТУЛУЧЕЕВСКИЕ БЕЗБОЖНИКИ.

Село Тулучеево известно, как один из выдающихся центров безбожия. Своими успехами на хозяйственном и культурном фронтах, оно славится не только в Воронежской губ., но и по всему СССР. Тулучеевские безбожники проявили

себя, как активные строители новой советской деревни. От религии и религиозных организаций в Тулучееве почти ничего не осталось. Церковь обращена в клуб, где ведет работу ячейка С. Б. и другие политико-просветительные организации.

Выезд рыбаков на промыслы.

НА ЧУДСКОМ ОЗЕРЕ

Искусственное оплодотворение икры сига

Очерк ученого рыбоведа В. НИКИТИНСКОГО

На границе с Эстонией, недалеко от Балтийского моря, находится громадное Чудское озеро, занимающее площадь около 3.200 кв. верст. На южном конце его, при самом впадении в него реки Великой, раскинулся старинный гор. Псков, с бесконечным количеством монастырей, колоколен, церквей и часовен.

В этом озере, наряду с обычными пресноводными рыбами, в большом количестве водится очень ценная и вкусная рыба, чудской сиг, достигающий в отличие от других сегов 8—10 фунтов веса. Эта рыба, относящаяся к семейству лососевых, нерестится поздней осенью в холодную воду. Выметанная икра лежит на дне всю зиму и только с наступлением весны из нее начинают выводиться мальки.

Наркомзем поставил себе задачей заселить чудским сегом некоторые озера центральной области Советской республики. Но сиг очень капризная рыба и не во всяком озере будет жить. Он требует большой глубины, прохладной воды, а главное достаточного количества растворенного в воде воздуха. Перевозить на сотни и тысячи верст большое количество живой рыбы очень дорого и невыгодно, а поэтому для заселения наших озер прибегают к так называемому искусственному оплодотворению икры.

В нескольких верстах от Пскова, где сотни попов и монахов втирают очки своей пастве

сказками о шестидневном сотворении мира и всех тварей земных старичком-богом, чудские рыбаки, под руководством ученых инструкторов Наркомзема, искусственно оплодотворяют миллионы икринок ценной для нашего хозяйства рыбы.

В середине октября сизи, которые летом бродят по всему громадному озеру в поисках пищи, ежегодно собираются в одно и то же место — в район острова Валонца, где и происходит икрометание.

На этот небольшой островок с'езжаются рыбаки, главным образом, из большого рыбацкого села Самолвы, на своих парусных лодках, нагруженных дровами, снастью и продуктами. На этом острове рыбаки строят себе маленькие домики — зебки, в которых и живут в течение 2—3 месяцев ловли. Вокруг острова, на известных с детства местах рыбаки выставляют свои сети и ловушки. Обычно, рыбаки соединяются в артели, или, как они теперь их называют, в коммуны. На каждой лодке работает три рыбака с одинаковым количеством рыболовной снасти. Живут, харчуются и работают вместе, а затем всю пойманную рыбу делят на равные части.

Так как лов этот происходит поздней осенью, в октябре и ноябре, то он сопряжен с массой трудностей и риска, как для самого рыбака, так и для снасти. Рыбаки никогда не спят спокойно

Разложенная на рамке икра.

Раскладка оплодотворенной икры на рамке.

Спрыскивание оплодотворенной икры для предотвращения ее высыхания.

ночь, так как каждую минуту может перемениться ветер, благодаря чему в озере образуются различные течения, которые могут сорвать и унести дорого стоящую снасть. Этот же переменившийся ветер может нагнать от берегов лед, который закроет и сдавит выставленные на кольях ловушки. Колья примерзнут ко льду и вместе с общим массивом льда уйдут в открытое озеро. А каждая ловушка стоит около ста рублей. Поэтому рыбаки и следят за погодой круглые сутки и при малейшей тревоге бросаются спасать свои сети.

Выставленные сети и ловушки стоят в воде месяцами, если это позволяет погода, и рыбаки утром и вечером ездят вынимать пойманную рыбу. Тут же, на острове, с рыбаками живут и специалисты-рыбоводы, которые встречают приезжающих с добычей рыбаков. Они осматривают всю пойманную рыбу и тут же, на берегу или в лодке, выдавливают из самок осторожно нажатием на брюхо икру в мерную кружку, вмещающую ровно один фунт икры. Затем из кружки икра перекалывается в таз. Когда из всех привезенных самок икра выдавлена, выбирают самцов с текущими молоками, и капают в этот же таз на икру молоки. Затем икра осторожно перемешивается рукой и только после этого приливается в таз вода. Икру промывают в 4—5 водах, чтобы отмыть лишние, не пошедшие на оплодотворение сперматозоиды. Когда вода в тазу с икрой станет совсем прозрачной, икру оставляют стоять 8 часов. За это время икра с вошедшими в нее сперматозоидами сильно раз-

бухает, увеличиваясь в 2—3 раза. От каждой самки получают в среднем от 60 до 80 тысяч икринок. По заданиям же Наркомзема, в настоящем году рыбводам на Чудском озере нужно набрать около 60 миллионов икринок, что по весу составляет 24 пуда.

По прошествии 8 часов икра раскладывается на рамки, обтянутые марлей и разделенные пополам для того, чтобы марля под тяжестью икры, не провисала.

Раскладывают икру по счету. Для этого у каждого рыбвода имеется кружка, вмещающая ровно 10.000 разбухших икринок. На оба отделения рамки кладут шесть таких кружек, т.е. 60.000 икринок. Икру распределяют ровным слоем при помощи гусяного пера. Затем эти рамки складывают в помещение с температурой около 1—3 градусов тепла, где они и лежат до конца сбора. Два раза в неделю их слегка спрыскивают водой, чтобы икра не высыхала. Когда весь сбор окончен, рамки упаковывают в ящики и отправляют в Ленинград на государственный рыболовный завод. На заводе их помещают в особо устроенные банки—рыбоводные аппараты, через которые все время течет вода двигающаяся и омывающая лежащую на дне икру. Как в помещении завода, так и в воде, идущей в аппараты, поддерживается все время температура два градуса тепла. Весною, примерно в марте месяце, когда в икре уже видно образовавшуюся рыбку с двумя большими черными точками, т.е. глазами, икру снова раскладывают на рамки и везут на те озера, где хотят развести сига.

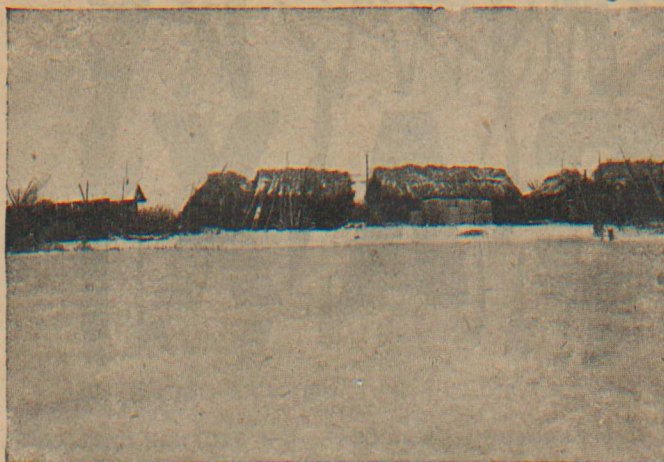

Рамка с оплодотворенной икрой на складе.

Выдавливание икры из самки сига.

Рыбачье становище „Выговец“.

Осмотр рыбы в рыбацких садках и сбор из нее икры.

Таким путем, у нас в Союзе уже заселено много озер этой ценной рыбой. На Урале, на Кавказе и в северных губерниях, где раньше никогда сига не было, сейчас его уже ловят в большом количестве и крупного размера.

Кроме сига, у нас разводят искусственно и других рыб: невского лосося, ряпушку, белорыбицу, осетров и др. Для этого в Союзе имеется целый ряд рыбозаводов, кроме Ленинградского.

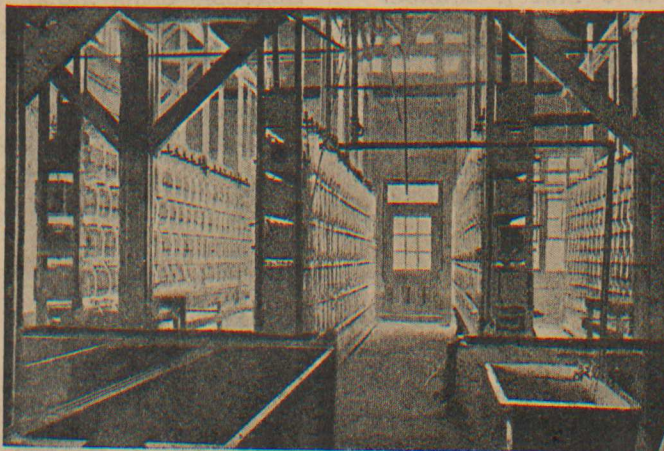
Разведение рыбы, путем искусственного оплодотворения икры, особенно сильно развито в Америке. Наиболее ярким примером предприимчивости американцев может служить следующий пример работ американских рыбозаводов. В Атлантическом океане, у берегов Америки, ловится в большом количестве особый сорт селедки—шед, которой на противоположном

берегу Америки, в Тихом океане, совсем не было.

Американцы собирали и оплодотворяли икру шед и в течение нескольких лет пускали ее у Сан-Франциско в Тихий океан. В результате, в Тихом океане, появилась шед в таком количестве, что развился богатый промысел.

Таким образом, даже благочестивая христианская Америка, верующая в то, что все твари земные сотворены богом, совсем недовольна плодами трудов господних: творил господь все на пользу человеку и на потребу его, но натворил того, что людям и даром не требуется. А что хорошо и ценно, об этом человеку самому заботиться и думать приходится.

Плохой помощник бог в хозяйственных начинаниях человека. Только там и идут дела хорошо где люди от бога отказываются.

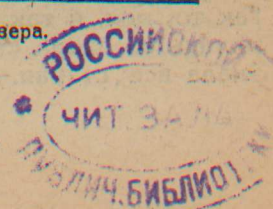
Внутренний вид рыбозавода. На первом плане бассейн для мальков. Сзади стойки с рыбозаводными аппаратами.

Установка загона для ловли сегов.

Сбор икры на берегу озера.

В ЛЕСАХ

Рассказ АНДРЕЯ ГОРНОГО

Рисунки К. УРБЕТИС.

Дед Влас, мужик кряжистый... По Гуслицам— известный мужик.

Борода лопатой, смотрит исподлобья и предан старозаветному „древле-православию“.

И живет, как и жил встарь: в лесу, около угольницы.

Так жил и жил дед Влас: в лесу, вдали и в одиночестве, если не считать кота, да собаку Полкашку.

А вот подиж-ты,—случилось с ним и этакое. Умирать пришло время.

И надумал Влас.

— Пойду-ка, мол, к людям. Авось—полегше будет?

Надумал. А на утро, когда не догорели еще последние звезды и не зарумянилась зорюшка, встал, кряхтя, Влас, крякнул и, оправив бороду, облекся в тулуп и вышел.

* * *

Идет Влас бором. Хмуро глядят на него сосны. Так хмуро, как сама жизнь старого.

— Ведь вот,—думает дед Влас,—и сжился, как будто с лесом-то... Состарился вместе с ним: и сединой, и мхом порос. А жутко будто...

Вздыхает Влас, а сам думает. Целая жизнь в памяти подымается.

Кривятся губы старого. Злая усмешка змеится.

— Знахарем был,—шепчет Влас,—других от недугов лечил. Кхе!.. Лечил-ли?.. А вот самому-то когда лечиться приспичило... не в моготу, вишь, выходит. Стра-ашно, больно!

Хрустит снег. Шагает Влас. В руках палка не палка, а костыль. Знахарский тоже:

— Бывало колдовый круг чертил им. И—эх, дур-то тоже много было. Верили. Та над коровкой печалится, другая приворожить парнягу хочет, третья еще что-либо...

И все верили Власу. Лесной человек он. Живет отшельником и с силами тайными ведается.

* * *

Редет лес. Где-то петухи горланят... Дымом вдарило.

Деревня, стало-быть.

Екнуло сердце старого:

— К кому зайти-то? Ни друзей, ни родичей... Одна бабка Агафья, да и та, поди, из ума выжила... А бывало-че... помощницей была. У кого горе, аль несчастье там,—сейчас к тебе в лес... Так то, мол, и так. Придет к тебе Марья: у нее лошадь со двора свели... Находится она там-то... Знала все старая.—с конокрадами связь имела.

Для знахарской-то работы уж это, как пить дать, самое подходящее дело. Опять же и по другой части ловкач была. Родила в деревне, аль в округе где какая девка... Как тут быть?.. А Агафья уж лисичкою: К Власу, родимая,—к Власу поди... Все устроится. Как в воду канет все...

И правильно. Леса-то Гуслицкие вон какие. Густые, да старые. Не даром и люди-то, живущие в этой местности, „поножовщиной“ славились.

Бедовые были люди! Староверами звались.

Крепко держались веры дедовской.

А после вечере, в праздник, помолвившись богу, „стенка-на-стенку“ шли.

Кресты-то на полях и сейчас еще свидетели:

— Здесь зарезали, там оглоушили...

* * *

Бабка Агафья на краю живет... Старее ее избы в деревне нет.

Покосилась вся: ровно бы рассыпаться хочет...

У древнего спасителя лампада теплится... И мирно, в рассвете утра, белеют тени от нее: на полу, в углу и по столу.

Подошел Влас к окну. Стукнул...

— Агафьюшка... Отомкни-ка.

— Свят!.. Свят!.. Дух Исус Христос!.. Ты ли это Власушка?

— Я Агафьюшка, я!.. К тебе вот...

С морозу -то жарко в избе. Хлебный дух так

и бьет по носу.

Снял Влас шапку. Волосы встрепаны, а в бороде сосульки морозные.

Сотворил крестное знамение... Как водится, по старинному,—двоеперстием.

Сели.

* * *

— Грушка-то была?.. Родить надо ей.

— Буде, старуха,—промолвил Влас,—не дело это. Помирать надо.

— Года-то, знамо, не молодые.

Смолкли. Тихо стало. Только тараканы за печкой шуршат и шорох их напоминает что-то старое, древнее, ветхое...

— Пожили мы с тобой, Агафьюшка, много,—заговорил, шамкая, Влас,—много пожили! И думаю я, что все это ни к чему было. Нечего таить, много грехов себе на душу взяли. И тошно поэтому.

— Што-ты, што-ты, Власушка,—замахала руками Агафья,—с нами небесная сила!.. Свят, свят, свят!

— Э, Агафьюшка, послушай меня. Вот ты говоришь о небесной силе... А кто она такая? Всю жизнь с тобой мы с „силой“ какой-то возились, да людей морочили. Но видела-ли ты хоть раз в глаза эту силу-то? Вот то-то и оно! Грех, говорю. Послухай меня: про меня говорят, что знахарь я, боюсь меня... А какое мое знахарство?.. Морочьба одна.

— Полно, Власюшка!.. Ведь с молитвой все, да по молитве дейлось. А молитва, что такое? Она—сила тайная. С нею и горы сдвинуть можно.

— Вот то-то и говорю,—вздыхнув, сказал Влас,—с молитвой... И-эх-хо-хо-хо-хо! Лес знает только, что с молитвой-то дейли... Да ты, да я... Душ-то погубили сколько?

Мрачная тень пробежала по лицу Власа, тело вздрогнуло, а лицо покосилось, будто...

— Много погубили, Агафьюшка,—продолжал дед,—помнишь Матрену-то? Родить пришла. Я ей так и сяк: заклинаньем все... А родила-те... и скончалась тут-же. Мы-ж с тобой на дорогу ее потом бросили и... ребеночка рядом с ней.—Э, да что уж тут! Грех один. Теперь вот и самому страшно, а тогда не было... Вот она жизнь-то!

И в бледном рассвете утра видно было, как два старческих взгляда впились друг в друга.

— Попа тебе надо,—покачивая головой, со вздохом сказала Агафья,—с попом поговорить надо! Полегли будет.

— Хм!..—усмехнулся Влас,—попа говоришь? А на кой он ляд? Не в попе тут дело: поп не поможет, сердце и думы сильнее попа. Томят они меня тоской своей...

— Помолись тогда...

— Кому?..

— Аль ты осатанел Влас?.. Ну, знамо, богу.

— Богу?.. А кто он?

Агафья вскочила с лавки, забежала по избе, выкрикивая:

— Иисус Христос!.. Царь небесный... Свят, свят, свят!..

Влас вздохнул и растерянно опустил голову.

* * *

День прошел. Влас притаился. Молча и хмуро просидел он этот день в углу под божницей. Хмуро глядели над ним старые лики икон,—еще хмурее казалось лицо Власа.

А когда наступили синие вечерние сумерки, он тихо и жалобно вымолвил:

— Смерть идет, Агафьюшка. Чую это я... Сосет в груди и не можется. Кинь что-нибудь в голову,—прилечь хочу.

Агафья посмотрела на Власа, покачала головой, покопалась в углу избы и бросила на лавку шубу. Потом, подумав, добавила:

— Попа позвать что-ли?

— Нет,—не надо... не верю я... Ох, тошно мне!..

Влас лег на лавку, и лицо сразу стало желтым.

— Вот что Агафьюшка,—прошептал он через несколько минут,—умру я. Не жаль мне никого...

Так, ты вот что—Полкашку-то с котом не забудь... Они одни остались в лесу-то и ходить за ними некому будет.

* * *

Ночью плохо стало. Метался все. Агафья не выдержала: за попом пошла.

Привела. Пошептала с попом о чем-то.

— Нельзя этак-то,—пробасил поп,—грешно без христианского погребения и напутствия. Душе мрачно будет и мучиться она будет на том свете-то.

Влас вздрогнул. Уставившись старческим, стекленеющим взглядом, пристально посмотрел он в поповские глаза и, вздохнув, отрывисто сказал:

— Не надо!.. Уйди!.. Не верю!..

ПИСЬМО ИЕРЕЯ

Печатаемое ниже письмо написано 14-го февраля одним из сосланных в Омск с Дона иереем, который находился в дружеских отношениях с бывшим оберпрокурором святейшего синода В. К. Саблером и состоял с ним в переписке. Из этого письма видно, что писавший письмо был в свое время представлен Николаю II, занимал высокий пост и пользовался авторитетом. Письмо рисует картину невероятного разврата, взяточничества, продажности и интриг среди духовенства. Места в монастырях и приходах раздавались любовникам и любовницам, взятки процветали как установленная мзда за пострижение. Здесь люди не знают никаких стеснений, в дружеской переписке они изысканно величают друг друга

carissimo, (дражайший), подписываются условными именами monsignore, называют своих соперников „Алешками“ и „Мишками“ и пр. Автор письма употребляет и итальянские, и французские, и латинские, и английские выражения. Очевидно это какой-нибудь бывший гвардейский офицер, или что-нибудь в этом роде, занявший затем место владыки, как это было не раз. Для него религия источник эксплуатации и возможности пожить всласть, как и для громадного, подавляющего большинства духовенства.

Мы печатаем это письмо, чтобы показать что представляло из себя духовенство, эта священная опора самодержавия буржуазно-помещичьего государства.

Ем. Ярославский.

Дорогой Владимир Карлович!

Получил от Вас повергшую меня почти в отчаяние депешу: „présentation impossible (представление невозможно). Однако, подожду высказываться по поводу ее, ибо не знаю причины невозможности. Но зато знаю, что недавно представлялся Ортолан и что Евлогетос был принимаем уже трижды после моего последнего представления. Ведь не последует же Carissimo примеру Новой, отдавшей приказ „всячески оттирать А. В. от Государя“. За одно это (не говоря о хищениях) следовало бы решить вопрос в смысле обратном тому, в каком он был решен. Впрочем, одно преступление всегда влечет за собою другое; стоило совершиться вопиющей несправедливости—удалению м-ра с Дона в угоду хищнику и самоеду, как одновременно наносится меньший ущерб церкви: пр. Митрофан обретается в святом послушании у студного келейника (ныне уже дьякона!) „Алешки“, без которого не может сделать ни шагу и который за него управляет епархией, не забывая, конечно, и своего кармана. Теперь на Дону водворится трогательное согласие между церковным и гражданским управлением: и там и здесь, ведь будет процветать мздоимство, а обличать друг друга не приходится! Мерзкий же обличитель и словом, и делом, к счастью, далеко! Не безоблачное ли счастье? Сей „Алешка“ жил здесь с женою в верхнем этаже архиерейского дома, давал обеды, даже балы, тут же была сыграна и свадьба, все, конечно, за счет „домоправления“; продавал места, брал взя-

тки (за пострижение до пятисот рублей!), вместе с сыном Ровины, тоже жившим у папаша, ухаживал за послушницами и одну из них (говорят, отвергнувшую и даже заушившую обоих) заставил своими придирками уехать куда-то далеко, чуть ли не во Владивосток. Когда сынок „Алешка“ получил такой афронт, Ровина изменила утвержденное ею решение Консистории и потребовала увольнения игуменьи, как оказывается, прекрасной монахини. Теперь дело рассмотрено и будет мною скоро представлено в синод: тогда увидите. А „Алешка“, верхом сидящий на безнадежно оседланной им Ровине на Дону, и Новая будет довольна—помяните мое слово; а это будет новым и уже неопровержимым доказательством хищничества Новой: „рыбак рыбака видит издалека“. Как бы только не разодрался „Алешка“ с „Мишкой“ (страдавший запоем регент архиерейского хора, занимавшийся до м-ра тем же ремеслом—продажей мест). Неужели Carissimo—как блюститель закона—не настоят на пересмотре позорного „Донского дела“? Имеющиеся у вас на руках документы содержат в себе богатейший материал и обилие „новых данных“, совершенно ниспровергающих „не стоящие выеденного яйца“, сплошь и рядом измышленные, всегда преувеличенные формальные доказательства этого „соблазна“, который, как вы, конечно, убедились теперь, уже окончательно—существует только в испорченном воображении сатрапа и горсточки ему подобных. Оказывается,

что пущенная им о собственной жене сплетня имеет своим основанием высказанное ею намерение пожаловаться м-ру, как архипастырю, на его жестокое обращение и сожительство с донною (с'è una famiglia del lato sinistro—имеется семья с левого боку). Теперь ему лафа: Ровина будет раболепствовать, хотя бы из инстинкта самосохранения, ибо и выпивает, и развалилась, и вынуждена будет прикрывать студодеяния „Алешки“—„командира“; некому будет обличать ни словом, ни тем паче делом; при таких условиях „своярука владыка“ и войсковой казне, и инде—полный простор! Но может ли допускать подобное поругание невесты христовой высшая церковная власть? Не было ли бы такое отношение насаждением безверия или по меньшей мере—поощрением отхождений от православия и подготовкой событий 1905—6 г.г. с осложнениями? Вот почему я—

нетрезвостью, взяточничеством и неправосудием.¹⁾ О природных свойствах—ничтожестве, „совершеннейшем идиотизме“ и т. д. умалчиваю. Но факт остается фактом: м-р упразднен без предупреждения, без истребования объяснений, тогда как не только оставляются на кафедрах, но и возвеличиваются такие, как пр. Иаков, Митрофан,

24 pp. MS.

РОССИЙСКАЯ
ЧИТ ЗАПА
ПУБЛИЧНАЯ БИБЛИОТЕКА

Дорогой Владимир Карлович.

[illegible]

рассимо, конечно, поспешит водворить м-ра ко благу церкви на right place (настоящее место) и тем восстановить нарушенную справедливость.

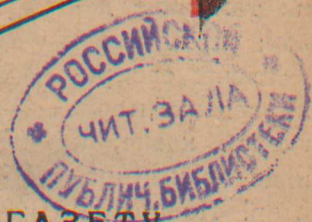
Весь Ваш монсиньор.

¹⁾ Цель его и достигнутые результаты ясны всякому непредупрежденному, который хотя бы бегло прочтет адрес корпорации, ниспровергающей столь же злобное, сколько и смешное толкование Фре.

В довершение всех благ Ровина состоит в кумовстве с учеником своим пр. Гермогеном и многими городскими батюшками. А меня осуждали за то, что я оценил ректора и желал с ним работать. Это не кумовство! Но, очевидно, „quod licet Jovi, non licet bovi“ (что дозволено Юпитеру, то не дозволено быку). Мы понимаем только, почему Ровина уподобляется громовержцу, а м-р всего только глупому четвероногому.

1927

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА ИЛЛЮСТРИРОВАННУЮ ЕЖЕНЕДЕЛЬНУЮ ГАЗЕТУ

БЕЗБОЖНИК

ПОД РЕДАКЦИЕЙ

ЕМ. ЯРОСЛАВСКОГО И АНТОНА ЛОГИНОВА.

ГОД ИЗДАНИЯ ПЯТЫЙ

С 1927 г. ГАЗЕТА ВЫХОДИТ В УВЕЛИЧЕННОМ ОБЪЕМЕ.

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ:

На 1 год	2 руб. 40 коп.
" 6 мес.	1 " 20 "
" 3 "	— " 60 "
" 1 "	— " 20 "

НА ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ МАССОВЫЙ ДВУХНЕДЕЛЬНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВ. ЖУРНАЛ

Б Е З Б О Ж Н И К

ПОД РЕДАКЦИЕЙ

ЕМ. ЯРОСЛАВСКОГО
И АНТОНА ЛОГИНОВА.

ТРЕТИЙ ГОД ИЗДАНИЯ.

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ:

На год	3 руб. 60 коп.
" 6 мес.	1 " 80 "
" 3 "	— " 90 "
" 1 "	— " 30 "

НА ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

АНТИРЕЛИГИОЗНИК

Руководящий орган для антирелигиозников, пропагандистов и агитаторов, руководителей антирелигиозных кружков и семинариев, политпросветработников.

ПОД РЕДАКЦИЕЙ

ЕМ. ЯРОСЛАВСКОГО
И А. ЛУКАЧЕВСКОГО

ГОД ИЗДАНИЯ ВТОРОЙ.

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ:

На 1 год	6 руб. 50 коп.
" 6 мес.	3 " 50 "
" 3 "	1 " 80 "
" 1 "	— " 60 "

ГODOVЫЕ ПОДПИСЧИКИ ПОЛУЧАТ БЕСПЛАТНО ПРИ ПОДПИСКЕ ОДНУ НА ВЫБОР ИЗ НИЖЕПОИМЕНОВАННЫХ КНИГ:

- 1) Ем. Ярославский. "Религия и ВКП";
- 2) "Как вести антирелигиозную пропаганду";
- 3) Степанов-Скворцов. "Основные течения в антирелигиозной пропаганде";
- 4) Антон Логинов. "Наука и библия";
- 5) "Легенда о христе";
- 6) Саратьянов. "Беседа о марксизме".

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: конторой издательства "Безбожник" (Москва, центр. Неглинный пр., д. 21, тел. 4-56-62), всеми отделениями "Известий ЦИК", "Правды", "Рабочей Газеты", всеми почтово-телеграфными конторами и Всесоюзным Контрагентством печати и его киосками на местах.